

5/11

Александр
Клейн

Мой номер

2П-904

Александр КЛЕЙН

**МОЙ НОМЕР
«2П—904»**

**АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СТИХИ
И ПОЭМА**

СЫКТЫВКАР . 1992

Книга издана на личные средства спонсора — Президента Коми товарной биржи М. Б. ГЛУЗМАНА.

СУДЬБА НЕ ЩАДИЛА ЕГО

За плечами кандидата искусствоведения, писателя и артиста Александра Клейна, помимо двух факультетов Ленинградского театрального института, война и плен, двенадцать лет заключения и реабилитация...

Почему судьба так несправедлива к талантливым людям? Можно только предположить, сколько бы еще стихов и пьес написал поэт и драматург Александр Клейн, сколько бы интересных ролей сыграл актер Александр Клейн, о скольких мастерах сцены написал бы книги критик Александр Клейн! А впрочем, следует не корить, а благодарить судьбу, что он остался жив, пройдя через кровавое месиво страшных лет и сохранил в себе столько энергии. Он обладает феноменальной памятью. Он помнит все и, я надеюсь, о многом еще напишет. На его письменном столе уже лежит подготовленная к изданию объемистая рукопись романа-исповеди «Дитя смерти». А пока — необычный сборник поэтических новелл и раздумий «Мой номер «2П—904». За этим каторжным номером автора в Воркутлаге — судьба Александра Клейна и его стихи — о фронте и плене, побеге и «награде» — камере смертника, тюрьме и лагере, об отчаянии и надежде, разлуках и встречах, исповедальные строки о мимолетных увлечениях, боли и радости обретения свободы и любви.

Надежда Изюмская

Обложка художника **Натальи КНЯЗЕВОЙ**.

ТЕНИ

И ложатся тени
                                  на плечи, на руки,
И ложатся тени
                                  на лица,
И следов они
                                  не оставляют,
Только лица порой искажают
Так,
    что друга
                                  друг
                                  не узнает,
Вдруг родного
                                  чужим
                                  посчитает,
А врага
    за товарища
                                  примет.
Что стоит
    меж лицом
                                  и светом,
Между солнцем
                                  и между тобою?
Почему лицо молодое
Злые тени
    покрыли морщинами?
Почему твой взгляд
                                  приглушили,
Пламя губ твоих
    потушили?

Почему
        злые тени бродят
Беспрепятственно,
                                безнаказанно?

Почему
        им пути не заказаны
На любимых родные лица?
Я хочу их
        лишь светлыми видеть,
Только яркими,
                                чистыми видеть,
Чтобы их никакие тени
                                не могли исказить,
  обидеть,

Чтоб ничьи
        не посмели руки
Между солнцем
                                и между тобою

Протянуться
                                и тень отбросить
На тебя,
        на лицо дорогое,

И никто
        между светом и нами

Не ходил,
        не стоял,
                                не маячил...

Чтобы виделось всё,
                                как было,

Так,
        как есть,
                                не иначе.

СЕКУНДЫ

Я знаю:
Отнюдь не ценою
Мгновений
В историю входит
Талант или гений.
Нелегким трудом,
Многолетним трудом
Мы право на счастье
У жизни берем.

В секунду
Не вспашут поля,
Не засеют.
В секунду
Ни рожь, ни ячмень
Не созреют.
Веками
Иной разрешают вопрос,
Годами
Возводят
Плотину или мост,
Годами
В промерзший вгрызаются грунт...
И все же...
Часы
Состоят из секунд.

Секунда — ответ,
Это — «да» или «нет».
Секунда
Навек
Может вырезать след.
Секунда — и подпись, —
Расписка в позоре, —

Под грязным столбцом
Клеветнических строк.
Секунда! —
Уходит земля из-под ног:
Дантес
Хладнокровно
Спускает курок;
Секунда —
Известье о счастье и горе,
В смертельной атаке
Последний рывок.

Секунда! —
Решение принято смело:
На вражьи машины
Несется Гастелло,
Матросов
Собою
Блокирует дзот.
Секунда
Путевку
В бессмертье дает.
Секундой порою
Решается вдруг,
Кто ты для Отчизны —
Изменник иль друг?

Пусть мчатся недели,
Пусть мчатся года, —
Об этом
Нельзя забывать
Никогда.
Попробуйте,
Киньте на чаши весов:
Иные секунды
Весомей !

* * *

Так тихо. А мне, будто прежде,
Здесь слышится выстрелов треск;
За этой дорогой проезжей
Дымится расстрелянный лес,
И потом и кровью солдата
Пропитана злая жара.
Да, все это было когда-то,
А кажется — только вчера.

* * *

Мы оба теперь в маскхалатах;
Идем, сапогами стуча.
Кровавые гроздья заката
Дрожат на усталых плечах.

Как долго метель бушевала,
Как мало прошли мы с утра!
Обугленным черным оскалом
Пожарище смотрит с бугра.

И вновь канонада грохочет.
Летит за снарядом снаряд.
Вдоль узких шоссежных обочин
Застывшие трупы лежат.

Как будто невидимой лапой
С дороги отбросило их.
А мимо струятся на запад
Густые потоки живых.

Назад не отступят ни шагу,
В атаке замрут на бегу,
И многие тут же полягут
В скрипучем зернистом снегу.

День вязнет в глубоких сугробах,
Цепляясь за сосны лучом,
И кажется, в саванах оба
Мы смерти навстречу идем.

* * *

Помню я как ты ко мне прижалась
В ночь морозную в лесу прифронтовом.
Неужели сердце подсказало,
Что не страшно умирать вдвоём,
И тогда на ломком снежном насте
Под снарядов неумолчный гул
Мимо нас прошло тихонько счастье,
Как и мы, забытое в снегу?..

НА НИЧЕЙНОЙ ЗЕМЛЕ

Не сумели прорваться во мгле
В беспощадном бою рукопашном;
Полегли на ничейной земле
Семь бойцов, семь товарищей наших.

Днем никак головы не поднять
Над окопную вязкою глиной:
Здесь пристреляна каждая пядь,
Свищут пули и бухают мины.

А шагов двести-триста до них,
Тех, кого унести не сумели;
Может, кто-то остался в живых,
Только ранен в ночном этом деле?..

Чуть стемнело — туда поползли.
Взводный даже окликнуть пытался.
Но никто с той ничейной земли
Не поднялся и не отозвался.

Так пять суток — и ищем и ждем,
А сегодня на самом рассвете
После ливня дохнуло теплом:
Просыпается западный ветер.

Самолеты рокочут вдали
(Поскорей бы прорвать окружение!).
Веет в лица с ничейной земли
Угнетающим запахом тления...

ПЛЕННЫЕ

Бесконечным потоком струится
Грязно-серая вереница.
Как одно, утомленные лица.
Пленные.

Уроженцы Москвы и Тамбова,
Запорожья, Баку, Могилева,—
Безымянные, сжатые словом:
Пленные.

Их согнули побои и холод,
Истощили и жажда и голод.
Не поймешь, кто тут стар, а кто молод.
Пленные.

Мелкий дождь, как сквозь частое сито.
Что под этой безликостью скрыто?
Неужели душа в них убита?
Пленные.

Кто отстал,— пристрелили. В канавах —
Трупы, трупы и слева и справа.
Где тут право? Где бранная слава?
Пленные.

Всё идут и идут. Как их много!
Не пустеет большая дорога.
Поднимите глаза, ради Бога,
Пленные.

Вы ль в долгу неоплатном пред теми,
Что вершили в жестокое время?

Чьей вины же несете вы бремя,
Пленные?

Обожженные яростью боя,
Были, есть и меж вами герои.
Кто ж в ответе теперь за такое?
Пленные...

РАССТРЕЛ

Желтосерые шинели.
Мелкий снег. Рябит в глазах.
Мы стоим одной шеренгой,
Сотня хмурых доходяг:

Убежал один из плена
И за то — закон войны —
Десять будут непременно
Всем в острастку казнены.
Даже имени не спросят,
Гаркнут: «Марш! Ложись ничком!»
Неостывших в яму сбросят
За воротами потом.

Вот идет жандарм усатый.
— Айнс, цвай, драй,— чеканит он
И средь нас любой десятый
Сразу к смерти присужден.

В каждом взгляде боль застыла.
— Фир, фюнф, зэкс,— считает гад.
Десяти из нас в затылок
Враз обоймы разрядят.

Черным дулом пистолета
Тычет в грудь. Замри. Не взвой.
Повезло на раз, на этот:
— Зибен! — Значит, я — седьмой.

Онемелый строй сомкнутый
Ждет, дыханье затая.
Десяти из нас минута
Осталась до небытья.
И стоим, уставясь тупо
В тех, пред кем навек в долгу...
Выстрел., выстрел... Десять трупов
На снегу.

ПОБЕГ

Ноябрьским вечером туманным,
Такой безликий, как и все,
Военнопленным под охраной
Плетусь по грязному шоссе.

Молчу, как все, в колонне длинной
(Не первый день, не первый раз);
Здесь каждый немец с карабином —
Хозяин каждого из нас.

Проходит унтер толстозадый *.
Как все, глаза поднять боюсь.
Пинок ногой. Удар прикладом
И резкий окрик:
«Шнеллер, рус!»**

И я, как все, терплю покорно
Побои, ругань...

Поворот —
И лес встает стеною черной...
Туда!
Авось не попадет!..

---

* унтер (сокращ.)—унтер-офицер.

** Шнеллер — быстрее (немецк.).

* * *

Неужто Бог с чертями заодно?
Судьба, за что меня ты покарала?
Решеткой туго стянуто окно
Под низким сводом душного подвала.
Душа моя, не опустишь на дно,
Еще не всё ты в мире испытала,
Тебе пройти не то еще дано
И этот ад — лишь адово начало.
Решеткой стянуто тюремное окно.

ИРОНИЯ СУДЬБЫ

Стало явью, не кошмаром:
Голод, холод испытал,
Ждал награды — и задаром —
В Александровский централ.
Был крещен жестоким боем,
Жил в окопах, знал суму.,
От врагов из-под конвоя
Убежал к своим... в тюрьму.

Угодил от смерти к смерти,
Из-под петли — на расстрел.
Чудом в этой круговерти
До сих пор почти что цел;
Не пойму, где черпал силы,
Проходя дорогой той,
Что когда-то завершилась
Заполярной Воркутой?
Не устану удивляться,
Но не смею унывать:
Мне уже три раза двадцать,
Плюс «довесок» — дважды пять.

Без Вергилия поэта
(Ни к чему загробный гид)
В пекле жизни несусветной
Я изведаль все круги.

В мир иной открыты двери,
Там не жду ни бед ни зол:
Ад — не Данте Алигьери —
Я в «земном раю» прошел.

* * *

Тайга на сопках вокруг централа.
Он вдалеке от всех дорог.
Но на окне решетки мало —
И перед нею козырек *;
Чтоб никому не мог присниться
Из этих стен на волю путь,
Чтоб не могли луна и птицы
Сюда случайно заглянуть.

* *"Козырек"* или *«намордник»* — на языке заключенных — специальный, деревянный или железный щиток, заслоняющий окно снаружи камеры так, что из неё не выглянуть, а внутрь не заглянуть.

* * *

Не журавль
Бродит по болоту,
Наклоняется,
Выпрямляется,
Червячков
И лягушек выискивая,
А профессор,
Седой доходяга,
По тюремной камере ходит
И, прищуря глаза близорукие,
В пол цементный
Глядит напряженно:
Нет ли крошки
Иль косточки рыбной?
А блатные на нарах
Смеются:
«Ох ты, вшивая интеллигенция,
Никакого не знаешь Достоинства.
Это мы
Твою пайку украли,
Третий день
Мы морим тебя голодом,
А ты всё еще жить
Не научишься...»

* * *

Появись хоть во сне.
Иль и там уже
Места нет
для видений былых?
Ты,
на фронт проводившая,
замужем.
Я — один,
без тебя и родных.

Я один в этой камере людной,
И любой вокруг меня одинок.
Всё здесь нудно, паскудно и скудно,
Как голодный тюремный паек.

Покажись хоть на миг
на короткий,
В самой дальней дали появись.
Но, как солнце
сквозь пальцы решетки,
Не смотри на меня
сверху вниз...

КАМЕРА № 18 (Северная сторона Александровского централа (тюрьмы № 5 Иркутской области).

Свет сквозь решетки не пройдет:
Их облепил сисястый лёд;
Взбухает, по стене ползет...
Здесь зябнут круглый год.

Здесь в тесноте на нарах голых
Царят клопы и дикий голод,
И лишь одно желанье есть:
«Есть!»...

Здесь, все понятия поправ,
Живут без жизни и без прав,
Кощеи, загнанные в хлев,
И в мыслях только — «хлеб», «хлеб»...

Дневную пайку с кипятком —
Всю целиком — одним глотком!
Нет крошек: вылизан весь пол.
Я молод, но забыл свой пол:
Что ночь — то снится каравай,
Не женщину, а хлеб давай.
Кому, к чему, зачем она?
Жена скелету не нужна.

Хоть виноват, не виноват, —
Сдыхай. Вдыхай параши смрад.
Мычишь? Молчи! Ты — скот, ты гад.
Бред?!
Нет!

«ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ»

(3 сентября 1946 года)

Зэк-банщик в Александровском центре
Сегодня по секрету сообщил,
Что год назад
Рейхстаг в Берлине взяли,
Капитуляцию
фашисты подписали
И Сталин
День победы объявил.

За глухотой железной двери
Мы все, привыкшие к неверью,
Решили: «Опер» * научил...»

И этот слух казался ложным,
Хоть в безысходности тюрьмы
Поверить в то, что невозможно,
Всегда скорей готовы мы.

---

* «Опер» (сокр.) — оперуполномоченный (оперативный уполномоченный) — офицер госбезопасности.

ШМОН* В АЛЕКСАНДРОВСКОМ ЦЕНТРАЛЕ

(Зарисовка с натуры)

— Живо — с нар —
и в коридор!

Вон!

Все из камеры с вещами —

Вон!»

Корпусной исходит матом,

Тьма дежурных,

Все в халатах

(Здоровенные ребята).

— Шмон!!!...

Как успеть иголку спрятать?

Шмон, шмон, шмон!..

— Вон!

— Скорей!

— Живей!

— Быстрей!..»

За копейку, за стекляшку,

Черепок,

За измятую бумажку,

Гвоздик, грифеля кусок

— В кандей!!!**

Упекут,

Не жди пощады.

Изведут,

Угробят гады.

Шмоннн!!!...

Все тряпчушки, все лохмотья

Перещупывают.

---

* Шмон (на языке заключенных)—обыск.

** Кандей (на языке заключенных) — карцер, штрафной изолятор,

* * *

Говорят,
В наш Александровский централ
Чернышевский
Некогда попал.
Жаль, что в вещих снах
«Что делать?»
Он
В светлом будущем
Не мог увидеть
Шмон...

АРТИСТ

Никто не ждал вестей из дома
И за парашей стихла мышь,
Когда я тискал длинный рóман *
Про инсургентов ** и Париж.

Забыв про голод и усталость,
Я после каторжного дня
Делился тем, чего хоть малость
Во мне осталось от меня.

И в пересказе книжки старой
Рождался грохот баррикад,
И кто-то всхлипывал на нарах,
А кто-то ахал невпопад,

И каждый видел ход подземный,
Которым, не жалея сил,
Герой, как я, от стен тюремных
Друзей к свободе уводил.

* «Тискать рóман» — на тюремном жаргоне — рассказывать роман.

** *Инсургент* (лат.) — повстанец.

* * *

Там, где небо бледною полоской
Тронуло серебряные мхи,
Сгорбилась костлявая березка
На границе тундры и тайги;
Над мохнатой кочкою склонилась,
В теле дрожь не в силах удержать,
Словно бы над свежюю могилой
Горестью измученная мать.

ДОХОДЯГА

Чуть пониже поясницы,
У крестца,
Тускло кожа серебрится,
Признак скорого конца...

Не помогут Сочи, Гагры
(Да и кто их помнит тут?),
От цинги и от пеллагры,
Словно мухи, люди мрут.

Отекли, опухли ноги, —
Словно в матовом стекле.
Знать, по жизненной дороге
Отшагал я по земле.

ОТЧАЯНИЕ

Он сам
Ступил
На запретную полосу
И нули
Пригвоздили его
К столбу ограждения.
Уже не чувствуя боли,
Он схватился
За железные шипы колючки.
Они глубоко вонзились в ладони.
Он не упал
И во весь рост
Стоял,
Мертвый,
Раскинув руки,
Подрагивая вместе с проволокой.

* * *

В который раз
Не в Иудее,
Где чтут
Священные места,
А здесь,
Где савана белее,
Равнина снежная чиста,
Свои
"Поборники идеи"
Распяли
Бедного Христа?..

Никто
        чтоб не смел
Ступить
        по пути в забой:
Шаг вправо,
        шаг влево —
На месте
        расстрел.
Не любит шутить
        конвой».

На смену
        до света,
Стемнело —
        «домой»;
Бредем,
        не чуя
        ног под собой.
Обыскали, обшарили
        у проходной,
Дали под зад:
«Ну, дурак,
        мать твою так!..

Марш в барак!»
И охранник рад,
И я рад:

После тюрьмы —
        лагерная зона,
Здесь больше озона,
Кажется волей.
А живут
        в этой стране
        среди страны
По строгим правилам
        и особым законам,
Составленным

до,
во время
и после
войны.

Люди
за проволокой
очень разные,
Тут и предельно
чистые
и беспредельно
грязные.

Конечно,
есть и своя
элита —
Крупные растратчики,
воры,
бандиты...

Эти начальству
понятней
и ближе.

Здесь они,
как денди в Париже,
В своей стихии.

А потому
как-то одеты,
обуты,
сыты

И вкалывают
за них
другие.

Они же
лишь дань
собирают «по праву»,

Они чинят
и суд
и расправу.

Они в войну
тылы «украшали» —
тылы «устрасал» —

Не воевали.

Грабили,
мошенничали
от фронта
вдали.

Они

Родине
не изменяли(?!)

И честь —
воровскую — свою
сберегли...

А мы,

остальные,
бывшие пленные,
«Пятьдесят восьмая»*,
прочая шваль,
Мы все теперь
в куче,
работяги
отменные,

До-хо-дя-ги,
которых не жаль.

Куда ни глянешь —

одни мужики,
Женщин
в помине
нету.

Зоны

---

* «Пятьдесят восьмая» статья уголовного кодекса — политические преступления.

«амазонок»
                                так далеки,
Будто
                в другой
                                части света.

И нам,
                и им
                                ничего
                                не дано,
Кроме —
                                «пятнадцать»,
  «двадцать»...

Строго-настрого
                                за-
  пре-
  ще-
  но

Сношаться
                                и размножаться.
И голые бабы,
                                смешно и грешно,
С буханками хлеба,
                                с едой заодно
На голых нарах
                                лишь снятся...

Обидно?
Обидно.
Больно?
Больно.
Но —
                всё же утешение:
Здесь
                мне лучше,
                                чем было в плену.
Здесь

Носим номера
на лбу (на шапках),
На штанах,
на фуфайках,
бушлатах —
Полно нашивок,
полосок,
латок
Зоопарк,
невиданный в мире!
Мой номер
«2П 904».
И если я
буду «готов»,
Свой каторжный срок
закончу
досрочно —
помер,
В мою могилу
забьют
тощий колок
И на нем
нацарапают
номер,
В место фамилии...
Но где-то за ним —
судьба
моя,
Моих злоключений
груды;
А там,
в плену,
я
был не я
(Если б «фрицы»
узнали,

Слава труду
    (под конвоем)!

Только в шахте,
        внизу,
                без охраны
(Там и перевыполняем
                                планы).

Нам положено
        ишачить
                сверх меры

На цементном заводе,
        в каменных карьерах;

За миску баланды
        грузить баланы *,

Добывать уголь,
        возводить плотины,
                        рыть котлованы,

Чтобы начальство
        получало
                премии,

Высокие чины,
        медали
                        другие награды

С верх меры
        и времени.

Впрочем,
        время —
                понятие
                        растяжимое,
                                неоднозначное,

Относительнейший балласт:
Сегодня —
        всё так,
                а завтра —
                        иначе;

---

* баланы — большие бревна.

А наше бремя
от времени не спрячешь:
Время своё
найдет и отдаст.

АССОЦИАЦИЯ

Они спешат наперерез
И мне нельзя остановиться.
Последний шанс: бегу от фрицев
С большой дороги в зимний лес.

Скорей за холм!

С обрыва —
вниз

И в чащу...

Свет луны так ярок...
Всё ближе тьяканье овчарок.
Откуда вдруг они взялись?!

Я вижу волчий их оскал
И замираю, страхом сжатый.
Вокруг — немецкие солдаты, —
И я в испуге закричал,
И ... пробудился.

Я — в бараке.
Решетки. Тундра за окном.
Прожектор. Вышки. Снег. Собаки.
Пинают в бок:
«Вставай! Подъем!»...

* * *

Ушли под конвоем за серые стены
Мои молодые года.
Мне снились
и снятся
побеги из плена,
А из Воркуты —
никогда.

ГОРНЯК

...Но в беспросветных тесных недрах,
От пыли угольной черны,
Мы были все-таки не негры
Из чужедальной стороны.
И в глубине земли, в забое,
Где каждый миг грозил обвал,
Там заключенный

без конвоя

Себя свободным ощущал.
Боль унижения, позора
С души стирал, как пот с лица,
И уголь шел по транспортерам
Густым потоком без конца.

Плечом к плечу стоял здесь вольный,
Трудом приравненный без слов,
Как встарь на Бородинском поле
Сынок дворянский и холоп.

А после смены всё менялось:
Кто в дом, кто — под конвой, в барак;
И общим только оставалось
Одно понятие —

горняк.

ЗАПОЛЯРНЫЕ ЭТЮДЫ

Столбы

По голым холмам, по низинам,
Куда не бросаю взгляд,
Провода на плечи накинув,
Столбы-великаны стоят.
Застыли, раскрывши объятия,
Угрюмо просты, как кресты, —
Тысячи тысяч распятий
Средь вечной мерзлоты.

Северное сияние.

Снег. Блики синие на нем.
Нет ни берез, ни сосен статных.
Равнина, словно в трупных пятнах,
Лежит, унылая, кругом.

Пурга.

День исчез в белесом мраке;
Различи-ка тут, попробуй:
Здесь сугробы, как бараки,
А бараки, как сугробы.

Лето.

Тундра млеет под солнцем раскосым,
Черный снег притаился во рву;
Вкруг зоны звенящие косы
Режут под корень траву *.

К осени.

Тут неглубокую речушку,
Где еле плещется волна,
За лето солнце всю иссушит,
Зимой — мороз скует до дна.

---

* Опасаясь побегов, для улучшения обзора вокруг лагерных зон, траву выкашивали.

ЗИМНЕЕ.

Надежды нет на весть и встречу
(И кто осмелится помочь?).
Здесь утра нет, а день, как вечер,
Темно вокруг и в сердце ночь.

* * *

Не вернуть потерянные годы,
Не изменить вчерашнего пути.
Слепым— повсюду ночь
и заперт храм Свободы.
Ключей наощупь не найти.

*Огневой пролет — пространство между двумя рядами колючей проволоки, ограждающей лагерь; в зэка, оказавшегося в огневом пролете, часовые стреляют без предупреждения.

* * *

И это — май?..
Пурга
во всю метет.
Сквозь вихри снежные
на огневой пролёт
Прожектор
смотрит глазом воспаленным.
Неужто где-нибудь
сирень
уже цветет,
С букетом кто-то
к девушке идет
И вся страна —
не лагерная зона?

* * *

Нам кажется сказкой былое,
Семья и домашний уют.
Над зоной, не зная отбоя,
Полярные ветры поют.

Гремят на бараках запоры,
Качается в небе луна;
Как трудно поверить, что скоро
Должна появиться весна
И, весть не подавши заране,
Сосулькой вдруг стукнуть в окно,
Так, словно боясь, что свидание
И с нею нам запрещено.

ВЕЧНАЯ ЗЕЛЕНЬ

Чуть солнце пригреет,
Чуть сдастся зима,
Уже зеленеет
Вершина холма.
А рядом, на склоне,
По-зимнему бел
Тот снег,
Что растаять еще не успел.

Но так в Заполярье
Давно повелось:
На лето в разгаре
Обрушится осень,
И снег на траву,
Что еще не увяла,
Вдруг ляжет холодным,
Густым покрывалом.

Теперь, по весне,
Зелена, но мертва,
Сквозь тающий снег
Смотрит эта трава,
А рядом — всё новая
Тянется к свету,
Навстречу такому же
Краткому лету.

Шестой десяток.

Десять

здесь томится.

Увы, от прародительницы Евы
Ведет к беде доверчивость сердец.
О женская натура королевы!..
И кубок с ядом выпит наконец.

Вся публика трагедией старинной
До глубины души потрясена.
Заслуженный успех.

В ролях —

одни мужчины.

Шекспировские времена...

Примечания: * О времена, о нравы (лат.). Восклицание из речи Цицерона.

** «Пестрея латками» — заключенные каторжане носили латки с крупно написанными своими порядковыми номерами на брюках (на колене), на спине (на бушлате или фуфайке), на шапках. Кроме того, заключенные речлага (особого режима) носили нашивки с буквой «Р» на рукавах.

*** «слова, слова...» — цитата из реплики Гам лета.

Цветухин Александр Петрович, заслуженный артист РСФСР — узник Воркутлага.

Лагпункт — лагерная зона, где содержали заключенных.

КАТОРЖАНКЕ

Стихает гул в рабочей зоне.
Зовут охранники. Остаться не могу...
Прощайте, добрые шершавые ладони,
Тоска некрашенных, ревниво сжатых губ.

Минута краденого счастья нам досталась.
Ты оторваться не находишь сил:
Давным-давно ни с кем не целовалась,
Никто тебя не мял, не грел и не любил.

Так пусть же здесь, у темного окошка,
Где в сумерках судьба нас сослепу свела,
Ты у меня возьмешь, хоть наспех, хоть
немножко
Неволей неубитого тепла.

* * *

День свиданья, как прежде, неведом.
Резкий ветер. В сугробах дома.
Ты писала: «Весною приеду».
Скоро май. Но ведь здесь-то зима.

Я в рассветном сиянии блеклом
Выхожу поглядеть на апрель:
Не бежит ли случайно по стеклам
Торопливой слезою капель?

Я смотрю на промерзшие рамы,
На крахмальные простыни крыш...
Дождь весенний, когда ж телеграмму
О свидании ты отстучишь?!

* * *

Этот май, дороги перепутав,
Отзвенел дождями. Ну и пусть!..
Но легла на сердце почему-то
Тихая, ласкающая грусть
И в бессонье долгими ночами
Неуютной кажется кровать;
В темноте открытыми глазами
Я тебя пытаюсь отыскать;
Вспоминаю платья легкий шорох,
Взмах бровей, изогнутых дугой...
Неужели мне еще не скоро
Суждено увидеться с тобой,
Вновь назвать хорошей, нежной, милой?..
(Все слова знакомы наизусть)...
Отчего же сердце прищемила
Тихая, ласкающая грусть?

Неужели бури лихолетья
Нас развеют пылью и потом
Никогда на этом белом свете
Мы уже друг друга не найдем...

* * *

Я — камень,
Большой рыжий камень.
Я лежу у дороги.
Едут по ней машины,
Скачут лошади,
Обдают меня грязью,
Осыпают пылью.
А я лежу,
Камень у дороги.
Иногда
На меня садятся
Усталые путники,
Не имеющие машин
И лошадей.
А когда встают,
Отряхиваются
И уходят,
Не оборачиваясь.

Я простой камень,
Большой рыжий камень.
Я не нужен скульптору
И строителю.
И меня не трогают.
Я лежу у дороги.
Норой, омытый дождем,
Я сверкаю на солнце
Мириадами искорок.
Они непонятно оживают во мне
И я на короткое время
Становлюсь теплым,
Пока дорожная пыль и грязь
Опять не покроют меня.

Неподвижный камень,
Большой рыжий камень,
Я лежу у серой дороги,
Бегущей мимо меня.
Я камень.

КОЧКА

Лучами прорезав туманную мглу,
Весеннее утро на тундру взглянуло;
Болотная кочка навстречу теплу
Озябшие пальцы куста протянула
И снежную шапку, очнувшись от сна,
Радушно сняла перед солнцем она.

БУЛЬДОЗЕР

Там,
где обрывки проволоки ржавой
Еще рыжеют
у последнего барака,
Сегодня поутру,
как танк,
остервенело
Бульдозер
ринулся
в рабочую атаку.
И ребрами торчавшие стропила,
И стены ветхие,
и сгнивших нар остатки, —
Всё рухнуло
со скрежетом
и треском:
На пустыре — большая стройплощадка.
Поднимутся жилые корпуса;
Пусть будет каждый дом
и радостен и светел.
Где прежде проверяли пропуска,
Среди цветочных клумб,
смеясь
помчатся дети.
Чтоб никогда
куском колючки ржавой
Ног не поранили,
играя,
малыши,
В неумолимой
яростной атаке

Рычи,
бульдозер,
чисть,
равняй,
круши!

1956 г.

* * *

Или раньше или позже,
Не в апреле, так в июне,
Путь ручьи себе проложат,
Свежий ветер в лица дунет,
И весна залетной птицей
Тундры крыльями коснется,
В каждой капле отразится,
В каждой песне отзовется.

Или раньше или позже,
Вой метели станет тише
И в дали, наверно, сможешь
Голос друга ты услышать.
Там, на юге, ночью темной
Вдруг из тучи полнолуние
Вновь о юности напомнит,
Не в апреле, так в июне.

Верь: и мне разлука плугом
По лицу ведет морщины;
Мысли, мысли друг на друга
Громоздятся, словно льдины.
Нет! И ты уснуть не сможешь
Нашей встречи накануне,
Или раньше или позже,
Не в апреле, так в июне.

ЧУДО

Иду — и не верю:

один,

без охраны?!..

И радость,

и нежность,

и робость

во мне,

И всё удивляет,

и кажется странным,

Что номер

не надо

носить на спине.

Иду — и не верю,

что с лагерных вышек

Зрочки автоматов

за мной не следят,

Что я конвоиров

не вижу,

не слышу

Напоминание:

«Руки — назад!»

Иду — и не верю,

что долгие годы

Жестокой неволи

расстались со мной,

Что выжил,

что вышел,..

дождался

свободы?!..

...А руки

привычно

держу за спиной...

ХАЛЬМЕР-Ю

Наступает белый север
Сонмом холода и вьюг
На далекое кочевье
Хальмер-ю.

Я спросил оленевода:
— Долго ль будет песнь свою
Напевать нам непогода
В Хальмер-ю?

Старый ненец мне ответил:
— Даже в северном краю
Самый злой и сильный ветер—
В Хальмер-ю.

— А бывал ли ты южнее,
Гам, где птицы гнезда вьют,
Где земля теплей, щедрее
Хальмер-ю?

— Был, — старик мне отвечает, —
Только родину мою
Ни на что не променяю,
Хальмер-ю.

Потому опять вернулся
Я в гнездо полярных вьюг,
Чтоб поселок мой проснулся,
Хальмер-ю.
Чтобы этот край суровый,
Край, который так люблю
Распахнулся к жизни новой
В Хальмер-ю.

* * *

Снег в сиянии синий, синий,
Под ногами весь небосвод.
Полночь близится.
Лыжи снимем,
Попрощаемся у ворот.

На мгновенье сольются тени,
Но мгновение не сберечь.
Верю, горечью сожаленья
Будет долго мне сердце жечь:
Словно только за тем приехал,
Чтоб взглянуть на твою красу...
Хочешь, этот снежок для смеха
Я на память тебе поднесу?

Улыбаешься: он растает,
Талой каплей едва блеснет.
Но какой-то звездный кристаллик
Всё ж в ладошку твою войдет...

Очень поздно. Пора проститься.
Мы закончили лыжный кросс.
Поскорей надень рукавицу,
Больно крепок у нас мороз.

К ПОЛЮСУ

*Памяти русских исследователей
Арктики*

Карманный компас, нарты и хорей.
Следы костра меж сломанных полозьев, —
Случайная находка в бледной прозе
Безбрежных ледяных полей.

Ртуть падала. Дыхание зимы
Под мех комбинезонов проникало,
Но шлемы сняв, стояли молча мы
У этого, последнего привала.

Кто шел здесь к Полюсу?
Поодаль флаг лежал.
Российский флаг
с полоской снежно-белой...
И стрелка компаса,
как прежде,
чуть дрожа,
На Север
пристально смотрела.

ОЛЕНЬ

Олень — порыв и легкость бури, —
Как Заполярья старожил,
В движеньи, схваченном в скульптуре,
Над новым зданием застыл.
Он — гордый символ тундры этой, —
Весь — устремление вперед, —
Пушистым инеем одетый,
Здесь в изваянии живет,
И на знакомые картины
С многоэтажной высоты
Глядит, кустом рога раскинув,
В немом величьи красоты.
Литой, над ширью небывалой
Стоит, серебряный, как снег,
Неотделим от пьедестала,
Как от Отчизны, человек.

* * *

Крутой вираж — и прочь с разбега,
Подстать любому молодцу;
Стремглав, как лыжами по снегу,
Скользнула взглядом по лицу;
Тотчас заметила морщины,
Упрямый иней на виске...
Взмахнула резко палкой длинной,
И вот исчезла вдалеке;
Враз поняла, что я — не пара,
За ней угнаться не смогу.

Закат на небе лег пожаром;
Стою один на берегу,
Всё вслед смотрю. Мороз крепчает,
Река застыла в латах льда,
Но и под ним, не умолкая,
Шумит, бежит, живет вода...

СЕВЕРНЫЙ ИНЕЙ

В какую весеннюю даль мы
Примчались февральской порой?!
Здесь шепчутся рыжие пальмы
И пеной вскипает прибой.

Еще только вечером вьюга,
Казалось, со старта сорвет,
А утром все прелести юга
Столпились встречать самолет.

У самого берега стал он,
В рассветном потоке лучей
Сверкая стеклом и металлом,
Серебряной кожей своей,
Рисунчатым контуром линий,
Изгибами крыльев стальных,
Как будто бы северный иней
Еще не растаял на них.

СКАЗКА

Я давно сдружился с углем
В снежном северном краю,
Но сегодня соснам смуглым
Предпочтенье отдаю.

Вкруг меня стволы всё чаще,
И румяны и круглы,
Я дышу в кавказской чаще
Пряным запахом смолы.

Нежно, шепотом влюбленным,
Чуть склоняясь, с высоты
Шлют привет густые кроны
Гражданину Воркуты.

И сквозь пальцы веток тяжких,
Ослепительность храня,
Лупоглазую ромашкой
Солнце смотрит на меня.

* * *

Ушла.
Еще стучит в висках;
Комок обиды не проглочен.
Так, словно не была близка...
Ушла,
                  как будто между прочим
Швырнув случайные слова.

Она, конечно, не права...
Хотя в сердцах таилась ссора,
И назревал уже разрыв,
Но вдруг...
                  Так резко и так скоро,
Всё зачеркнув, «перекрестив»,
В нелепой вспышке разом рвется,
Что нас роднило так давно.
Ушла.
Досадно, горько..,
Но...
Быть может,
Все-таки,
Вернется?..

* * *

Канонада! Канонада!..
Волны бьют о берег Ялты.
Нет, не надо,
Нет, не надо
Говорить, что так устал ты.

Грохот ближе, грохот близко!..
Волны снова в наступленьи.
Выше веток тамариска
Столб разрыва в белой пене
Ухо ловит звуки боя;
Не забыть войну и горе.
А ведь это шум прибоя,
Это — море, только море...

КРЫМСКАЯ ЛЕГЕНДА

*Монах преследовал Диву своей любовью.
Спасаясь от него, она бросилась в море и
превратилась в скалу. Монах последовал
за нею. Возле Симеиза (Крым) в море
высились две скалы. Теперь осталась
одна. Монах был разрушен землетрясением.*

В этот час осенний, ранний,
Каждый встречный смотрит сонно.
Море, горы — все в тумане;
Тучи ползают по склонам.

Даже волны так лениво
Серый берег омывают.
Смотрит каменная Дива,
Будто в горе изнывая.

Камень, камень, неужели
И тебе знакомы муки
И в твоём тяжелом теле
Поселилась боль разлуки?

Говорят, не зная страха,
Ты красавицей-дивчиной,
Убегая от Монаха,
Смело бросилась в пучину.

Овладеть тобой не в силах,
За тобой он устремился,
Камнем серым ты застыла,
В камень враг твой превратился.

И стояли вы веками,
Ненавидя и желая,

Серый камень, мертвый камень, —
Страсти летопись живая.

И Монах, когда-то стройный,
Первый рухнул, сдался горю.
Ты одна теперь спокойно
Возвышаешься над морем.

Что ж грустишь? Иль горечь губит,
Вновь былое тебе,
Что теперь никто не любит,
Не преследует тебя?!

В ПУТЬ!

Я опять, как мальчишка влюбленный,
Встретить солнце спешу по утрам.
— Здравствуй, море! —
Кричу я с балкона
И привет посылаю волнам.

А они, обежав всю Европу,
С хохолочками гребней седых,
Вдруг на цыпочки встанут и, топнув,
Возле ног разбегутся моих.

И взволнованно камень прибрежный
Зашуршит и зашепчет им вслед.
Море, чем-то особенно нежным
Я за самое сердце задет.

Может, это тоска по бывшему,
По тому, что унес этот год,
Или просто к далекому дому
Запоздалая осень зовет?

Но и глубже дышу и свободней.
Завтра — в путь по скрещеньям дорог;
Завтра много забот, а сегодня —
Только солнце
и море у ног.

В КУКОЛЬНОМ ТЕАТРЕ

Не синий холст, а неба купол,
Не лампы — звезды в нем горят.

Приворожил театр кукол
Неугомоннейших ребят.

Они дыханье затаили,
Они, как клювы, рты раскрыли,
Во все глаза глядят, глядят
Туда,

      где с легкостью фанерной
Вознесся сказочный чертог,
Где вислоухий горбунок
Ивану служит так примерно
И где огнем бенгальским светит
Жар-птицы дивное перо,
Где справедливость и добро
Сильней всех зол на белом свете.

В зал неприметно из-за ширмы
Смотрю, о сцене позабыв.
Какой неповторимый мир мы
Открыли, куклы оживив!
Сдается полночь дню на милость,
Танцуют горы и леса —
И зритель
      верит в чудеса.

О, если б детство повторилось!..

* * *

Часто вспоминается,
Может быть, приснится
Белая красавица,
Ласковая птица.

Звёздная, зеленая
Полночь сыплет искрами.
Может, мы — влюбленные?
Почему так искренни?

Клятвы не останутся.
Нам ли жить тоскуя?
Губы сами тянутся
К влаге поцелуя
И мои морщины
Скрыты темнотою.
Пожилый мужчина,
Я один с тобою.
В сказке-небылице
Или наяву
Ласковою птицей
Я тебя зову.

На виски наряды
Кинула зима...
Ты ж со мною рядом,
Молодость сама.

Спутанные волосы,
Папиросный дым...
О любви вполголоса
Правду говорим.

Чуткая гостиница.
Гул шагов на лестнице.

Больше нам не свидеться,
Больше нам не встретиться.

Ночь к рассвету клонится;
Дрогнули ресницы...
...Милая бессонница,
Как с тобой проститься?!

ПРИЧУДЫ РЕНЕССАНСА

После гибели нелепой,
Окруженные почетом,
Снова Гамлет с Дон-Кихотом
Поднимаются из склепов.

Смотрит зритель, пораженный
Проявленьем дивной прыти,
Улыбается ученый,
Всё толкует умный критик,
Освещает суть таланта,
Все причуды ренессанса.
Дополняя Санчо-Панса
Кругозором Росинанта.
Что затейливо, что плохо
У Сервантеса, Шекспира,
Объясняют той эпохой
Переменчивого мира.

Но, восторга скрыть не в силах,
Поневоле признаются,
Что гигантов не затмило
Даже дымом революций;

И сегодня, будто в Мекку,
Раз святыни нет под боком,
Люди атомного века
Ходят к свежести далекой.

**НА РУССКОМ КЛАДБИЩЕ
СЕНТ-ЖЕНЕВЬЕВ
ДЕ БУА ВОЗЛЕ ПАРИЖА**

Славянские буквы на плитах
И русские наши слова
Читаю над прахом зарытых
На Сент-Женевьев де Буа:

И здесь — господа эти гости.
За землю и земли борясь,
Их предки собрали по горсти
Большую Россию для нас.

Но, правя кровавую тризну,
Враждой ослепленный народ
Изгнал за пределы отчизны
Друзей и потомков господ;
И Франция многих призрела,
Кто бросил родные края,
Чье брненное тело истлело
На Сент-Женевьев де Буа.

Могилы, могилы, могилы..,
Они от России вдали.
Быть может, на все не хватило
По горсточке русской земли.

* * *

Ночь расступалась перед нами,
Вздыхая тяжело, смолк вокзал,
И город желтыми глазами
Нас удивленно провожал.

А мы, влюбленные сердца,
Бродя по улицам без цели,
Мы целовались без конца,
А целоваться не умели.

Теперь, когда за сорок нам
И много весен миновало,
Тебя тревожат по ночам
Шаги мальчишек запоздалых.

— Как поздно?! Слышишь их вдали?
Уже давным-давно двенадцать!..
А разве мы не так же шли
И не умели целоваться?..

* * *

И ты, мой друг, исчезнешь скоро,
Уйдешь навек из-под крыла.
Гудят натуженно моторы...
Еще минута истекла...

Они взревут неумолимо —
И канут в прошлое мечты.
Уже с разбега мчатся мимо
Деревья, здания... и ты.

Ракетный век, с тебя ли спросишь
За боль разлук, за дальний путь?
Как быстро радость ты уносишь,
Как не спешишь ее вернуть!..

* * *

Погасли дальние зарницы.
Тускнеет неба синева.
А я с тобой, и мне не спится;
Слегка кружится голова.

Мгновенья этой белой ночи
Не разменяй, побереги...
Проспекты кажутся короче
И слишком быстрыми шагами.

Какие гулкие кварталы!
Дома, как башни, смотрят ввысь.
Как мало вместе быть осталось...
Не торопись, не торопись...

Ведь разминутся вновь дороги,
И разлучат нас поезда.
Постой минуту на пороге,
Моя счастливая звезда.

И пусть прохожий смотрит косо,
Но мне себя не превозмочь:
Я вновь и вновь целую косы,
Такие мягкие, как ночь.

И мы уходим дальше, дальше,
Чтоб не узнал никто другой,
Чтоб не осталось капли фальши
Между тобой и между мной,

Чтоб вспоминать глаза и лица,
Простые, милые слова...
Пусть длится ночь... пускай не спится...
Пускай кружится голова.

* * *

Я люблю поезда,
Но не дальнего следования.
Там в купе всю дорогу
Тоскливо
Живет болтовня.
Я люблю электрички,
Эти скромные пригородные,
У которых никто со слезами
Не проводит, не встретит меня.

Здесь для мыслей простор,
Для знакомства нет времени.
Остановка, другая —
Соседи накинут пальто
И уйдут, не простясь...
Здесь теснишься, толпишься со всеми,
И ты всё же один,
И тебе не мешает никто.

Я люблю электрички,
Не дней, а часов расставания,
Незнакомых людей,
Что усталые, едут со мной,
Загорелые сосны,
Что выходят к путям на свидания
С поездами другими,
С электричкой моей и другой.

Мне уютно всегда
В этом поезде маленьком,
Даже если морозом
Дохнет из дверей.
Для чего поезда,
Длиннохвостые, дальние,
Где находят знакомых,
Покидая друзей?

ВМЕСТО ЭПИТАФИИ

*у надгробия председателя Военной
коллегии Верховного суда СССР
Василия Васильевича Ульриха на
Новодевичьем кладбище Москвы.*

Здесь травы будто поднялись,
Чтоб заслонить собой стыдливо
Весь невысокий обелиск.
Он знаменует справедливость.

Под ним — орденосный прах
Того, чье имя страх внушало, —
Юрист-палач, на чьих руках
Кровь никогда не высыхала.

Но жертва — я — стою живой,
Каприз судьбы благословляя,
А он в двух метрах подо мной
В своем мундире догнивает.

Жаль, что не в петле он подох
И не в тюрьме на радость людям;
Вокруг него чертополох,
Цветов же нет и век не будет.

Пусть даже чей-то лживый рот
Его елеил в панихиде,
Ни у кого, кто подойдет,
В глазах печали не увидеть.

Молчу в раздумье средь могил;
Смотрю на обелиск замшелый
Над тем, кто подписью скрепил
Мне приговор — к расстрелу.

* * *

Как часто в мыслях
Ночью монотонной,
Едва воспоминаниям
Простор дам,
Я возвращаюсь
К юности бессонной
И в сердце вновь
Звучат ее аккорды,
Неумолимо и неприглушенно.
Я слышу голос ваш
И тихие шаги,
Вы рядом вновь,
Родные и чужие,
Мои друзья, мои враги.
Не позабытые
В тревожащие сны
Вы входите,
Всегда живые,
Под рокот канонады
Той войны.
Вы — в мыслях у меня,
Друзья-однополчане,
Вы — в мыслях у меня,
Друзья-односельчане,
Я с вами весь —
Во сне, как наяву,
Одной любовью
И одной враждой живу.

Я помню все кресты
На перекрестках
Израненных дорог
У выжженных лесов;
Дрожащие, костлявые березки,

Вы тянетесь ко мне
С кладбищенских холмов.
Я вновь иду
Сквозь дымные разрывы,
Вновь падаю
И поднимаюсь вновь.
Мои друзья, мои враги,
Вы живы,
И вам, должно быть, в снах
Порой являюсь я;
Наверно, в ваших жилах
Та же кровь,
Что и в далекой юности,
Клокочет.
Вас, как меня,
Аккорды мирной ночи
Опять уводят
В бурные года.
Вы слышите мой голос
И шаги?
Вы,
Как и я,
Всегда
О прошлом помните,
Мои друзья,
Мои враги?..

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Шеренгами вдоль тротуаров
Густые деревья стоят.
В вечерний покой Сыктывкара
Вливается песня девчат.
И, словно боясь потревожить,
Порой оборвется, замрет,
Как будто узнав, что прохожий
Под девичью песню взгрустнет.

Поющих не вижу, не знаю:
Идут по другой стороне;
Их песня, как птица ночная,
Чуть слышно слетает ко мне.

Мотив всколыхнул мою память.
Я с детства его берегу.
Я песни касаюсь губами,
А вспомнить слова не могу.

* * *

Разве так изменилось
Моё естество,
Что сегодня,
Взглянув на бывшее,
В кадрах памяти
Я не признаю того,
Кто когда-то
Был все-таки
Мною?

А ведь это же я,
Кандалами звеня,
Так бреду,
Как в бреду,
Сам не знаю,
И больного меня
Среди белого дня
Сапогами
На людях пинают.

А не я ли, скелет,
У параши в углу
С нар сползаю
На бледном рассвете,
Сквозь тюремную мглу
На цементном полу
Крошку утренней пайки заметив?..

И опять это я
На распухших ногах,
А не кто-то другой
Издалёка,
На морозе босой,
Искорёжен цингой,

В гнойниках,
В синяках
И отеках.

Я ведь, жаждой томимый,
Сухим языком
И, не чувствуя мерзостный запах,
Снег с решетки лижу
За забитым окном
В вагонзаках*, теплушках,
Набитых битком,
В бесконечных
Безводных этапах.

Я с лопатой в руках
Под ноябрьским дождем
Матюгаюсь,
Измазанный в глине,
И гоню впопыхах
Свою тачку потом
На проклятой
Сибирской плотине.

Я — бесправный изгой, —
Диким зверем рыча,
В исступленьи
Собой не владея,
Гробовою доской
Бью Иуду с плеча,
Избиваю, как тварь,
Силача-стукача,
Экс-чекиста и не иудея.

* *Вагонзак* (сокр.). — специальный вагон для перевозки заключенных.

И не я ль это
После тюремных дверей
Средь бараков
На солнца восходе
За железной колючкой
Степных лагерей
Ощущаю себя ... на свободе?..

Боже мой! Это — я!..
Неужели прошел?..
Неужели прошло
Время это?..
Или ныне оно —
Лишь немое кино,
Старый фильм
Черно-белого цвета?..

ОСЕННИЕ МОТИВЫ

Мчится ветер-озорник
Над заимкою,
В небо серое проник
Невидимкою;
Издали-издалека
Гонит тучи-облака
И скользят они над нами
Легкой дымкою.

Ох ты, девица-краса,
Осень-модница,
Ярко-рыжие леса,
Ветки клонятся.
На земле — листки, листки,
Словно мелочь, медяки,
Но никто, никто за ними
Не наклонится.

Не смотри ж на них с тоской,
Не указывай,
Что иду гулять с тобой,
Не рассказывай.
Может, встречи этих дней
Для меня весны милей,
Потому что ты со мною,
-

* * *

Светлане, жене.

А может быть,
Могло не быть,
Не сниться то,
Что не приснится,
Что даже сказочная птица
В мечте не может подарить.

Могло не быть
И встречи нашей,
Не быть
Любви моей креста,
И жизнь тогда
Была б пуста,
Как кем-то выпитая чаша.
Так жизнь моя была б пуста.

Могло...
Как зябко и угрюмо
При трех словах:
«Могло не быть».
Теперь
Нельзя об этом думать,
Тогда
Не стоило бы жить.

* * *

Расходятся,
Сходятся
Нити идей,
А судьбы,
Как судьи,
Карают людей
За трусость
И смелость,
За правду
И ложь,
За медную мелочь
И крупный грабёж,
За дружбу и братство,
За месть и вражду,
За чье-то богатство
И чью-то нужду;
Вдруг из-за утопий —
На суд! — И сожгут,
То в луже утопят,
А в море спасут.
И кто-то с улыбкой
Уходит в полет,
А кто-то улиткой
По жизни ползет.
Кому больше чести
Фортуна сулит,
Коль первый безвестен,
Второй — знаменит?!
Герои бледнеют,
Ликут рабы;
Никто не умеет
Уйти от судьбы.
Ей милость, немилость, —
Что черепа смех;

Ее справедливость —
Загадка для всех,
Ей любо — не любо,
Табу — не табу.

В лукавые губы
Целую судьбу.

СОДЕРЖАНИЕ

Судьба не щадила его	2
Тени	3
Секунды	5
«Так тихо»	7
«Мы оба теперь в маскхалатах...»	8
«Помню я, как ты ко мне прижалась...»	9
Бой у Холмина...	10
На ничейной земле	11
Пленные	12
Расстрел	14
Побег	15
Ожидание	16
«Неужто Бог с чертями заодно...»	17
Ирония судьбы (Автобиография)	18
«Тайга на сопках вокруг централа...»	19
«Не журавль бродит по болоту...»	20
«Появись хоть во сне...»	21
Камера № 18	22
«Последние известия»	23
Шмон в Александровском центре	24
Артист	27
«Там, где небо бледною полоской...»	28
Доходяга.	28
Отчаяние.	29
Монумент.	30
2П-904 (Маленькая поэма).	32
Ассоциации.	43
Благодать.	44
Горняк	45
Заполярные этюды (Столбы. Северное сия- ние. Пурга. Лето. К осени Зимнее. «Не возвратить потерянные годы»)	46
«И это — май?...»	48
«Нам кажется сказкой бывшее..»	49
Вечная зелень	50
О темпора, о морес	51
Каторжанке	53
«День свиданья, как прежде, неведом»	53
«Этот май, дороги перепутав»	54
«Я — камень»	55
Кочка	56
Бульдозер	57
«Или раньше или позже»	59
Чудо	60

Хальмер-Ю	61
«Снег в сиянии синий, синий»	62
К полюсу	63
Олень	64
«Крутой вираж — и прочь с разбега» .65	
Воркуте	66
Северный иней	67
Сказка	68
«Ушла...»	69
«Канонада, Канонада!...»	70
Крымская легенда	71
В путь!	73
В кукольном театре	74
«Часто вспоминается...»	75
Причуды ренессанса	77
Неизбежность («Бедный Йорик»)	78
На русском кладбище в Сент-Женевьев де Буа	79
«Ночь расступалась перед нами»	80
«И ты, мой друг, исчезнешь скоро»	81
«Погасли дальние зарницы»	82
«Я люблю поезда»	83
Вместо эпитафии	84
«Как часто в мыслях ночью монотонной»	85
Вечерняя песня	87
«Разве так изменилось мое естество»	88
Осенние мотивы	91
«А может быть, могло не быть»	92
«Расходятся, сходятся нити идей»	93

Александр Клейн.

МОЙ НОМЕР «2П-904»

Автобиографические стихи и поэма.

Технический редактор А. Н. Вишнева. Сдано в набор 02.10.92. Подписано к печати 20.11.92. Формат 70X90^{1/32}. Бумага № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 3,51. Тираж 7000. Заказ 7193. Коми республиканская типография. 167610, г. Сыктывкар, ул. Первомайская, 70.

217-904

